

Протоиерей Валентин АСМУС

Василий Васильевич Болотов — великий русский богослов и историк

К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ КОНЧИНЫ РУССКОГО ЦЕРКОВНОГО
ИСТОРИКА В. В. БОЛОТОВА (1854—1900)

Дата рождения В. В. Болотова в некоторых справочниках обозначена иначе — 1854. Но мать его говорила, что он родился, «когда в монастыре начинается вечерня», то есть накануне 1 января. Отец, Василий Тимофеевич, был причетником Троицкого собора в городе Осташкове Тверской губернии. Шестнадцатого ноября 1853 года он погиб в результате несчастного случая. Мать, Мария Ивановна, урожденная Вишнякова, дочь уже покойного священника села Кравотыни, вернулась в родное село, где и родился Василий Васильевич. Мария Ивановна стала просвирней при родном храме. Она занималась также шитьем одежды, что давало ей весьма скромный заработок. Будучи глубоко религиозной, она воспитывала сына в вере и благочестии. Их день начинался молитвой с земными поклонами, в воскресенье они шли в церковь, а по большим праздникам паломничали в Нилову пустынь. Сама проводившая все свободное время за чтением духовных книг, она очень рано выучила сына грамоте, и он стал читать книги, которые ему попадались. Болотов имел большую жажду учения. До установленного возраста поступления в духовное училище он учился в сельской школе. Трехступенчатая духовная школа — училище, семинария, академия — сложилась еще в XVIII веке. Она имела сословный характер и была не хуже гимназий и университетов. В 1863–1869 годах Болотов учился в Осташковском духовном училище. Ему пришлось расстаться с матерью, которую он мог теперь посещать только на каникулах: от Осташкова до Кравотыни было 15 верст водного пути по озеру Селигер или 30 верст по су-

ше. В училище Болотов успешно изучал латынь и греческий. Он квартировал в доме, где рядом была синагога. Общаясь с еврейскими детьми и получив доступ к еврейским книгам, он с успехом начал изучать и еврейский язык. Окончив училище первым учеником, Болотов поступает

*Кравотынь —
родина
В. В. Болотова
(слева)*

*В. В. Болотов
гимназист*

*Кравотынь.
Современное фото
(вверху)*

*Нилова пустынь.
Вид со стороны
деревни Светлица.
Начало XX в.
(внизу)*

в Тверскую духовную семинарию (1869–1875). В воспоминаниях его соучеников изображаются его замечательные товарищеские качества. Болотов никогда не курил и не пил, чем решительно отличался от многих своих товарищей, однако общался со всеми дружески, без всякой дистанции. Его не только уважали, его любили

и ему доверяли. У семинаристов, которые спешили получить назначение на приходское служение, остро стояла проблема женитьбы, которая предшествовала рукоположению. И вот однажды к Болотову обратился семинарист, имевший на примете трех девушек и не знавший, кого из троих выбрать своей невестой. Болотов, чуждавшийся всяких вечеринок, особенно с участием барышень, согласился пойти на встречу со всеми тремя в обществе своего заинтересованного товарища. На встрече Болотов взял инициативу разговора на себя, задавал множество вопросов на самые разные темы. Вечером, когда семинаристы могли поговорить вдвоем, Болотов назвал ту из трех девушек, которая была, по его мнению, самой достойной невестой, и кратко характеризовал ее качества. Друг женился и спустя много лет оставался доволен выбором невесты.

По окончании семинарии Болотов твердо решил продолжать учение в духовной академии, хотя некоторые советовали ему идти в университет. Ректор и инспектор семинарии рекомендовали ему поступить в Московскую академию, но сам Болотов избрал Санкт-Петербургскую — по всей видимости, ввиду ее исторической специализации, выразившейся, в частно-

сти, в издании при этой академии серии русских переводов византийских историков. Но «специализация» самого Болотова не была чисто исторической. Он был богослов-историк. Богословие бывает разным. Богословие систематического типа создает такие творения, как догматики митрополита Макария (Булгакова). Есть патрология, изучающая систему, эволюцию мысли одного какого-нибудь отца или церковного писателя на фоне современного и последующего богословского развития. Классический пример патрологического исследования — магистерская диссертация самого Болотова «Учение Оригена о Святой Троице». И, наконец, можно развивать церковно-историческую науку как описание хранения в Церкви богооткровенной истины и постепенного ее раскрытия, уточнения ее формулировок. Здесь главная действующая сила — не отдельные исторические деятели и богословы, как это получается у протестантов с их ослабленным чувством и разумением Церкви, а Соборы Вселенские и иные. Классический образец такого исторического богословия — изданный в первый год после революции IV том «Лекций по истории Древней Церкви» В. В. Болотова, как бы в наследство всем нам от дореволюционной церковной науки.

Исходя из принципа знать первоисточники в их подлинном языке, Болотов стал полиглотом: он знал не только греческий, латынь и еврейский, но также сирийский, арабский, коптский, армянский, эфиопский (геэз и амхарский). Знал он также санскрит и персидский в различных его исторических фазах. Из новых языков он знал, кроме немецкого, французского и английского, также итальянский, нидерландский, датский, португальский (на этом последнем была богатая литература по эфиопскому христианству). В некоторой степени знал он и готский, кельтские, финский, венгерский, турецкий языки.

На III курсе академии Болотов приступил к написанию кандидатской диссертации «Учение Оригена о Святой Троице». Тема была предложена профессором И. В. Чельцовым. В том же учебном году, в марте 1878-го, Чельцов, занимавший кафедру древней церковной истории, скоропостижно скончался. Было несколько достойных кандидатов для замещения этой кафе-

дры, но академическое начальство так высоко ценило студента III курса Болотова, что решило предназначить его для занятия этой кафедры. Докладывая об этом высшему священноначалию, духовная академия не встретила с его стороны никаких возражений. В июне 1878 года Болотов успешно защитил кандидатскую диссертацию, за которую получил премию митрополита Иосифа (Семашко). И сразу после этого Болотов принимается за писание магистерской диссертации на ту же тему. Он совершенно меняет план исследования и создает труд, по объему почти в десять раз больший кандидатской диссертации. Новая диссертация печатается в типографии (без чего защита была невозможна) тиражом всего 50 экземпляров. В октябре 1879 года состоялась защита магистерской диссертации, а в следующем месяце доцент В. В. Болотов занял кафедру, на которой оставался до конца жизни. С октября 1885 года Болотов — экстраординарный профессор. Он не хотел писать докторской диссертации, но на тот случай, если бы его стали «заставлять» написать ее (в интересах его карьеры), у него была намечена тема и собран материал. Писать не пришлось: в мае 1896 года ему была присуждена степень доктора церковной истории по совокупности ученых трудов. Это повлекло избрание в сентябре того же года на должность ординарного профессора. Императорская

*В. В. Болотов
и его мать
М. И. Болотова*

Василий Болотов

М. И. Болотова

Студенты Санкт-Петербургской духовной академии в начале XX в.

академия наук уже в 1894 года избрала Болотова своим членом-корреспондентом.

Вся жизнь Болотова — подвиг ученого-аскета. Он поистине, как в свое время отцы-каппадокийцы в Афинах, «знал две дороги — в школу и в церковь». Кроме богатой библиотеки Санкт-Петербургской духовной академии он посещал Императорскую публичную библиотеку. Он занимал маленькую двухкомнатную с прихожей квартирку на Невском, где не было ничего, кроме книг. Единственная роскошь, которую позволял себе Болотов, — покупка книг. В Петербурге он имел возможность заказывать книги из всех культурных центров мира.

В самой манере писать у Болотова было что-то аскетическое. Он писал мало, в силу своего твердого принципа: писать надо только тогда, когда ставишь новый «тезис», никем еще не выдвигавшийся, или, по крайней мере, когда можешь убедительно подтвердить «тезис», кем-то высказанный, но обоснованный неудовлетворительно. Эта позиция радикально отличалась от тех современников Болотова, которые с легкостью писали одну за другой блистательные компиляции, легко читаемые и широко доступные. Сочинения Болотова

подавляли своей эрудицией, обычно были посвящены решению очень узких вопросов и избегали широких обобщений, столь желанных для поверхностных читателей. Назовем хотя бы некоторые из них.

Theodoretiana. Отзыв о соч. Н. Н. Глубоковского «Блаженный Феодорит, епископ Кирский. Его жизнь и литературная деятельность. I–II» (М., 1890; СПб., 1892) — отзыв на большой труд замечательного профессора в то время еще Московской духовной академии о церковном писателе, который был предметом изучения и самого Болотова.

«Михайлов день. Почему Собор святого архистратига Михаила совершается 8 ноября? Эртологический этюд» (СПб., 1892).

«Либерий, епископ Римский, и Сирмийские соборы» (Вып. I. СПб., 1893) — труд, интересный хотя бы уже тем, что святитель Ливерий Исповедник почитается Православной Церковью и не почитается в лике святых Католической.

«Из церковной истории Египта. Вып. 4. День и год мученической кончины св. евангелиста Марка» (СПб., 1893).

«Валтасар и Дарий Мидянин. Опыт решения экзегетической проблемы. С двумя приложениями» (СПб., 1896).

В 1913 году все эти достаточно объемистые издания, отдельные оттиски из «Христианского чтения», журнала Санкт-Петербургской духовной академии, все еще оставались нераспроданными.

Нельзя сказать, что деятельность Болотова была строго очерчена рамками преподавания и научной работы в духовной академии. В 1880–1890-е годы он нередко участвовал в работе суда в составе коллегии присяжных. Министерство иностранных дел в лице Болотова нашло единственного в Петербурге человека, который мог переводить дипломатические послания, поступавшие из Эфиопии. Именно с этим связано получение им без положенной «выслуги лет» чина действительного статского советника (соответствует чину генерал-майора по военной шкале Табели о рангах).

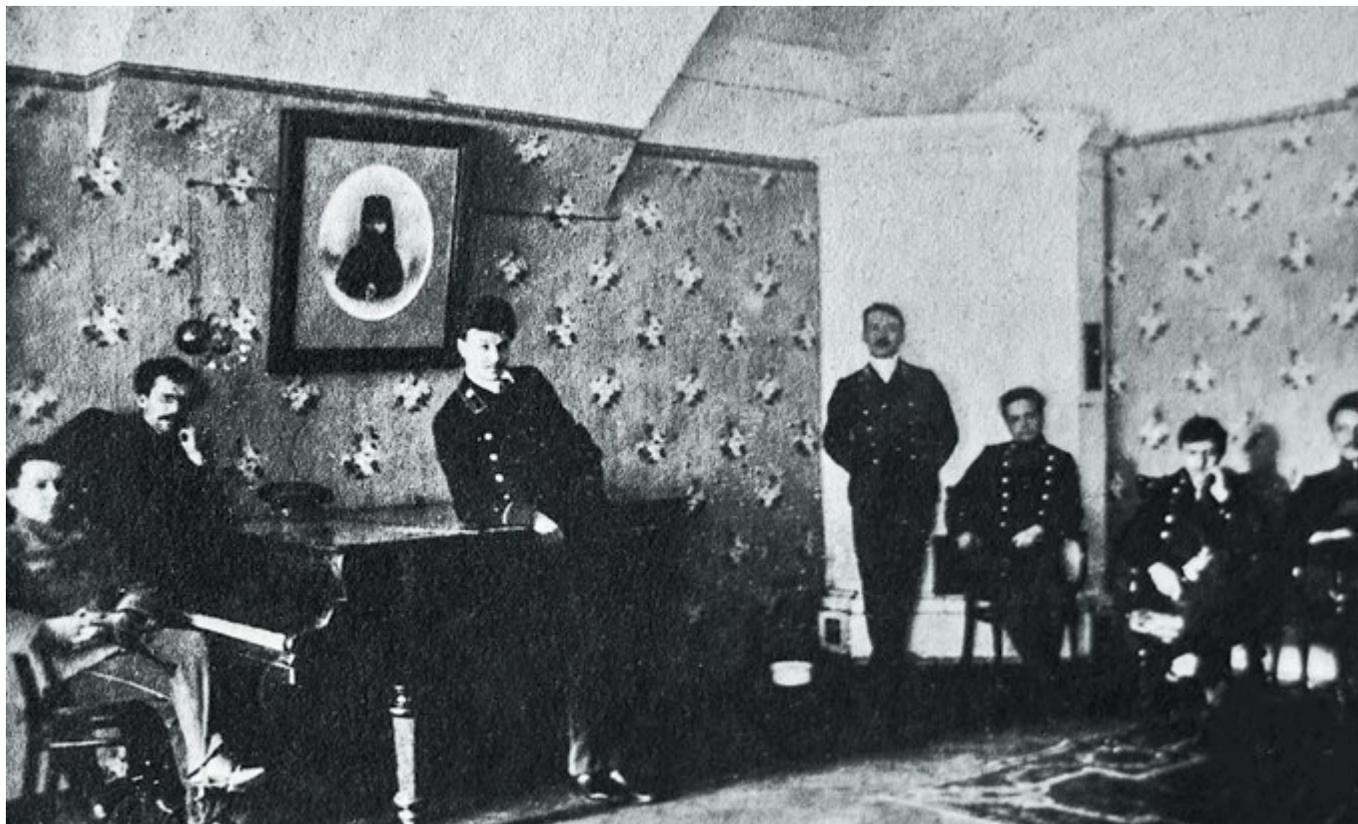
За свою недолгую жизнь Болотов успел получить четыре ордена, пусть и «самые низшие»: св. Станислава 3-й и 2-й степени и св. Анны 3-й и 2-й степени.

Болотов знал различные вспомогательные дисциплины: палеографию, нумизматику, сфрагистику, метрологию. Зная астрономию и математику, он владел хронологией и был специалистом по календарному вопросу. Общим местом было недовольство григорианским

календарем. Юлианский календарь хотели заменить не григорианским, а каким-то более точным. Болотов как решительный сторонник юлианского календаря был достаточно одинок. В 1899 году Болотов работал в Комиссии по реформе календаря при Русском астрономическом обществе. В 1900-м за несколько недель до смерти Болотов был назначен в аналогичную комиссию при Императорской академии наук и успел подготовить записку, в которой решительно высказывался против отказа от юлианского календаря. Выступления Болотова вызывали всеобщее уважение и восхищение подавляющей ученостью, ораторским талантом и искренней убежденностью. Нельзя сказать, что он всех убеждал, но его речи были сильнейшей поддержкой для тех сановников, которые, как обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев, делали все возможное для недопущения календарной реформы. Болотов заявлял: «Я по-прежнему остаюсь решительным почитателем календаря юлианского. Его чрезвычайная простота составляет его научное преимущество перед всякими календарями исправленными. Думаю, что культурная миссия России по этому вопросу состоит в том, чтобы еще несколько столетий удержать в жизни юлианский календарь и чрез то облегчить для

Санкт-Петербургская духовная академия

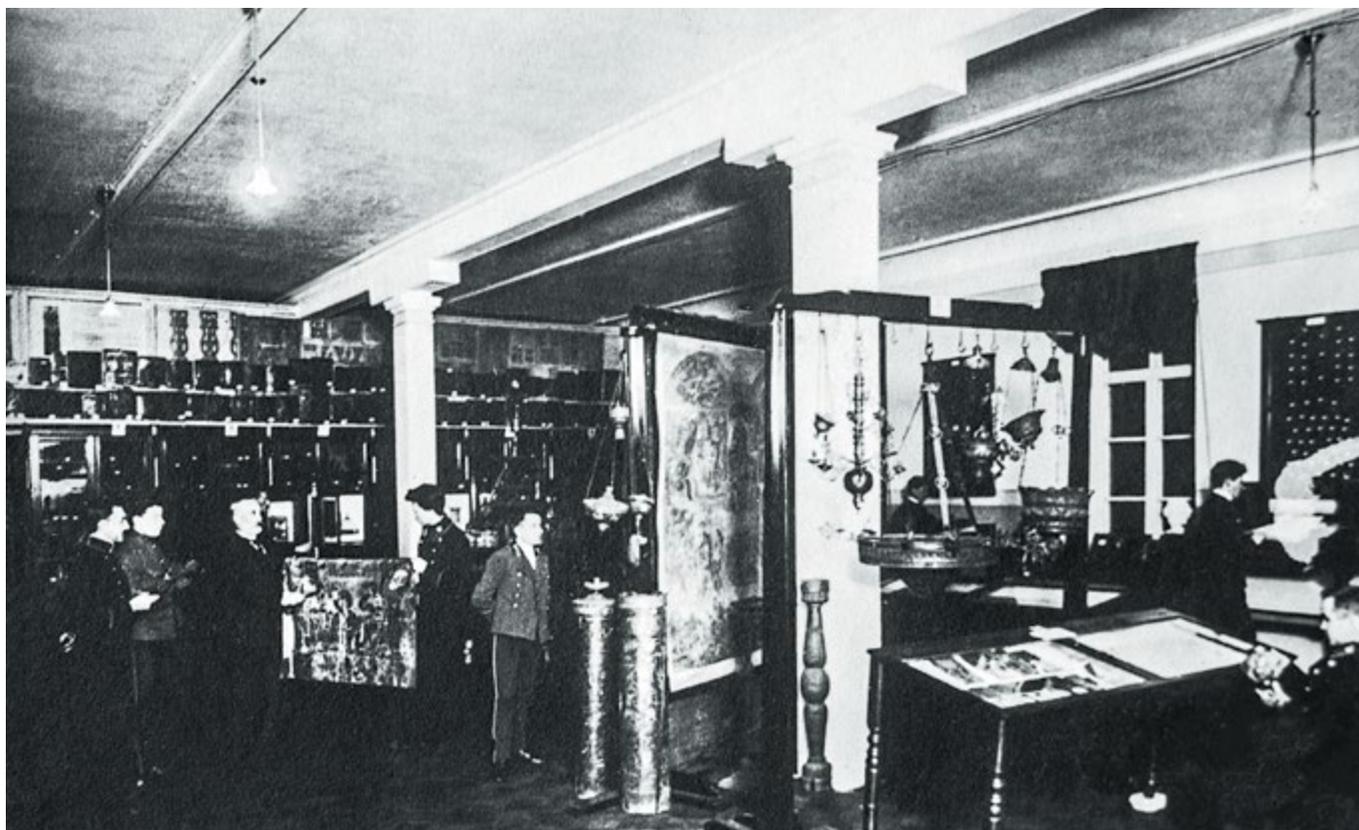
Студенты Санкт-Петербургской духовной академии в музыкальном классе

западных народов возвращение от не нужной никому григорианской реформы к неиспорченному старому стилю». Рубеж XIX и XX веков не стал моментом перехода России на новый календарь, как того многим хотелось.

Будучи всесторонним знатоком христианского Востока, Болотов был убежден, что промыслительная задача России и Русской Церкви — вернуть в Православие те христианские общины, которые еще в древние времена отпали от него. Но относился он к этой задаче рассудительно и осторожно. Когда в русском обществе усилился интерес к Эфиопии и некоторые горячие головы стали выдвигать планы отправки в эту африканскую страну православной миссии, Болотов выступил с резкой критикой этой идеи. Он считал, что, поскольку властители дум эфиопских христиан — представители самого крайнего монофизитства, появление миссии вызовет враждебное противостояние и надолго затруднит сближение с эфиопскими христианами. Совсем по-другому относился Болотов к существовавшей уже немалое время Урмийской российской православной миссии в Персии. Видя, что многие несториане, которых просвещала эта миссия, уже готовы принять Православие, Болотов составил «Чин,

како приимати приходящих ко Православной Церкви от несторианского исповедания», где, согласно 95-му правилу VII Вселенского Собора, несторианам предлагалось исповедать православную веру и анафематствовать ересиархов. Такое исповедание Болотов составил на ассирийском языке. Оно представляло собой выдержанное в православной терминологии христологическое вероизложение с анафематствованием не только Нестория, но и Феодора Мопсуестийского. Двадцать пятого марта 1898 года, в день Благовещения, в Свято-Троицком соборе Александро-Невской лавры был совершен чин присоединения к Православию урмийских несториан в лице одного епископа, одного архимандрита, двух священников и одного диакона. Их присоединение было присоединением целой епархии, которую они окормляли.

Болотову пришлось стать участником более чем тысячелетнего (с 867 г.), но и в наше время актуального спора о Filioque — западном учении об исхождении Святого Духа от Отца и Сына. После провозглашения на I Ватиканском Соборе 1870 года догмата папской безошибочности (у нас это слово часто передают неточно: непогрешимость) в Католической Церкви

произошел раскол: несколько профессоров и священников, в основном в странах немецкого языка, отделились от римо-католичества и образовали новую Церковь, а точнее группу Церквей, получивших название старокатолических. Старокатолики не были многочисленны. Но их появление совпало с созданием новой Германской империи. Сколотивший ее князь Отто Бисмарк заманил в нее страны с католическим населением и католическими государствами, но сразу же начал борьбу против католичества под демагогической вывеской «борьбы за культуру (Kulturkampf)». Он мощно поддержал раскольников: они записали на себя много недвижимости и укрепили этим свое положение. В России некоторые встретили с энтузиазмом новое религиозное движение, вышедшее из Католической Церкви, увидев в нем один из тех путей, по которым западные христиане могли бы вернуться в Православие. Видный славянофил генерал Александр Алексеевич Киреев в своих книгах и статьях призывал к сближению православных и старокатоликов. Официальные переговоры старокатоликов с православными начались уже в 1871 году в Бонне.

...В 1898 году в старокатолическом журнале *Revue internationale de Théologie* была напе-

чатана по-немецки под криптонимом «Один русский богослов» статья «Тезисы о Filioque». Изданная в Берне (Швейцария) в малоизвестном журнале, статья не осталась незамеченной в России и вызвала журнальную полемику. На стороне «русского богослова» выступали генерал А. А. Киреев (он был переводчиком «Тезисов» на немецкий и организатором публикации) и профессор протоиерей П. Я. Светлов. С другой стороны, профессора А. Ф. Гусев и В. А. Керенский подвергли «русского богослова» критике, не без грубостей. «Русский богослов» ответил Гусеву письмом на французском языке, напечатанном в ближайшем выпуске бернского журнала: «...Гусев и богословы его школы, отождествляя свои воззрения с воззрениями всей Церкви и обвиняя несогласных с собою в измене Церкви, на деле сами оказываются неверными Вселенской Церкви и истине, когда [правдою и неправдою] хотят дать преобладание частному, местному и временному в противоположность всеобщему в Церкви». Вскоре выяснилось, что под именованием «одного русского богослова» скрывался В. В. Болотов. Указом Святейшего Синода от 15 декабря 1892 года была создана комиссия для выяснения условий и требований, которые могли бы

*Лекция
Н. В. Покровского
в Церковно-
археологическом
музее СПбДА.
1909 г.*

Труды проф. В. В. Болотова по вопросу о Filioque и полемика о его „Тезисах о Filioque“ в русской литературе¹⁾.

ТРУДЫ проф. В. В. Болотова, относящиеся к вопросу о Filioque, обязаны своим происхождением участію его въ 1893 г. въ комиссіи, учрежденной по указу Св. Синода отъ 15 декабря 1892 г. для выясненія условий и требованій, которыя могли бы быть положены въ основу переговоровъ со старокатоликами, ищущими общенія съ православною восточною церковію. Будучи въ этой комиссіи, председателемъ которой былъ назначенъ архіепископъ финляндскій (потомъ митрополитъ петербургскій) Антоній, членомъ и вмѣстѣ дѣлопроизводителемъ, В. В. Болотовъ составлялъ и самъ переписывалъ всѣ журналы засѣданій ея въ 1893 г. и выработалъ также принятый комиссіею (1 іюня) проектъ доклада ея Св. Синоду. Кромѣ вопроса о Filioque, разсмотрѣніе котораго было поручено специально ему и проф. А. Л. Катанскому, онъ представлялъ справки, въ видѣ особыхъ рефератовъ, и по другимъ вопросамъ, обсуждавшимся въ комиссіи. Такъ имъ написаны были трактаты: „Нѣсколько примѣровъ отношенія древней церкви къ хиротоніямъ канонически незаконнымъ (къ вопросу о томъ, допустимо ли различіе между понятіями «каноническій» и «недействительный»)“ (приложеніе 2, къ журналу 15 марта); „Къ вопросу объ опрѣснокахъ“ (приложеніе 10, къ журналамъ 20 и 27

¹⁾ Предисловіе къ изданію трудовъ проф. В. В. Болотова по вопросу о Filioque

Фрагмент
Предисловія
къ изданію трудовъ
В. В. Болотова по
вопросу о Filioque
(слева)

Профессор
А. И. Бриллиантов
(справа)

быть положены в основу переговоров со старокатоликами, ищущими общенія с Православной Церковью. Председателем комиссии был назначен архиепископ Финляндский (впоследствии митрополит Санкт-Петербургский) Антоний (Вадковскій, † 1912). Болотов был назначен не только членом, но и делопроизводителем этой комиссии. Ему было поручено высказаться не только по проблеме Filioque, но и по некоторым другим вопросам, и он написал доклады «Несколько примеров отношенія Древней Церкви к хиротоніям канонически незаконным» (к вопросу о том, допустимо ли различіе между понятіями «неканоническій»

и «недействительный»), «К вопросу об опресноках» и «Споры об опресноках». Три заседания комиссии в январе – феврале 1893 года были посвящены проблеме Filioque, после чего была создана специально для этого вопроса субкомиссия в составе архиепископа Антония, Болотова и профессора А. Л. Катанского. С этим последним Болотов в субкомиссии «радикально» разошелся в вопросе о Filioque. И хотя Болотов хотел, чтобы его «Тезисы» обсудила большая комиссия, этого не произошло, и они остались известны только архиепископу Антонию, профессору Катанскому и еще протопресвитеру И. Л. Янышеву. Потом Болотов согласился на издание их в старокатолическом журнале, но состоялось оно только благодаря «экуменическому» энтузиазму генерала А. А. Киреева. Впоследствии ученик Болотова профессор Александр Иванович Бриллиантов издал «Тезисы о Filioque» и некоторые другие материалы по этой теме (*Профессор В. В. Болотов. К вопросу о Filioque.* СПб., 1914). Это издание — самое значительное в русской литературе о Filioque. Но оно вызвало и больше всего нареканий. Для понимания Болотова нужно прежде всего сказать, что он отнюдь не был «латинофилом». Его высказыванія о римо-католичестве были даже для его времени чрезмерно жесткими и неприязненными. Но, с другой стороны, в вопросах догматики он стремился к церковности, к стро-

гому различению соборного учения Церкви и частных богословских мнений отдельных богословов, даже и прославленных в лике святых. После возникновения в Византии антилатинской полемики ни один византийский Собор не принял антилатинских постановлений: такой характерный документ, как Синодик в Неделю Православия, формировавшийся с середины IX до середины XIV века, ничего такого не содержит. Двадцать семь тезисов Болотова посвящены в основном основательной критике Filioque (первые 18 тезисов). Но в остальных девяти указывается, что появившееся как частное мнение у блаженного Августина Filioque не было опротестовано Восточной Церковью; многие западные учителя, проповедавшие Filioque своим паствам, умирали в мире с Восточной Церковью; Восточная Церковь чтит и западных отцов как своих, и естественно, что для Запада и частные мнения этих отцов священны; Filioque насторожило восточных в известительном послании папы святителя Мартина Исповедника, но смущение прошло, когда были предъявлены цитаты не только из западных отцов, но и из Кирилла Александрийского; святитель Фотий Константинопольский и его преемники имели общение с Западной Церковью, не получив (и, видимо, не требуя) от нее соборного отречения от Filioque в самых ясных и развернутых выражениях. «Следовательно: Тезис 26. Не вопрос о Filioque вызвал разделение между Церквами. Тезис 27. А потому Filioque как богословское частное мнение не может считаться за *impedimentum dirimens* [непреодолимое препятствие] для восстановления общения между восточною православною и старокатолическою Церковью».

В 1948 году остро критически отозвался о «Тезисах...» Болотова профессор В. Н. Лосский. В нем говорит ревность догматиста к историку: «...не ему как историку судить о смысле (*valeurs*) догматов как таковых. Иначе историческая теология рискует превратиться в серого кардинала или скорее в светского кардинала Церкви, ищущего установить новый канон ее предания методами секуляризованной науки»¹. Однако в конце своей статьи Лосский, на определенных условиях соглашаясь со «стратегией» Болотова, говорит: «Примирение может произойти и Filioque не будет боль-

ше *impedimentum dirimens* в тот момент, когда застывший в своей доктринальной изоляции Запад перестанет рассматривать византийское богословие как абсурдное новшество и признает, что оно выражало именно истины Предания, те самые, что мы находим, в менее развернутой форме, у отцов первых веков Церкви»². Со своей стороны профессор А. И. Сидоров оплакивает «некий трагический разрыв между наукой и духовной жизнью» в личности Болотова³. Наверное, этого «разрыва» не было бы и «нарушение гармонического единства историка, филолога и богослова» в Болотове было бы преодолено, если бы он вопреки своей христианской совести безоговорочно признал формулу святителя Фотия Цареградского «от одного только Отца». Напомним, что в русские святцы имя святителя Фотия было внесено только в 1916 году. И сам В. Н. Лосский, член и даже председатель Братства святого Фотия, занимался именно формированием «нового канона Предания», и весьма плодотворно, поскольку он интегрировал в Предание прежде неслыханный исихазм, который, конечно, и раньше там присутствовал, но в значительно меньшей степени полноты и эксплицитности. Но уже у дореволюционного русского богословия были серьезные вопросы к богословию святителя Фотия. Святитель Филарет Московский дважды получал запросы из Святейшего Синода об издании антилатинских сочинений святителя Фотия. В первый раз речь шла об издании «Мистагогии Святого Духа», главного творения святителя Фотия против латинян, в то время еще никем не изданного. Святитель Филарет без детальных объяснений не одобрил этот проект на том основании, что в распоряжении издателей рукопись, лишь частично содержащая труд святителя Фотия. Первым издателем стал немецкий историк Гергенрёттер, будущий кардинал. Второй раз граф Протасов сообщил московскому святителю о том, что в петербургской духовной цензуре встретило возражения послание святителя Фотия архиепископу Аквилейскому (Сев. Италия). Святитель Филарет соглашается с петербургским цензором: «...писатель употребляет обличения преувеличенные, как то: западные унижают Св. Духа <...>; что они злохулительно утверждают исхождение и от Сына <...>; что они ученики Хама <...>. Оскорблять в споре не

Профессор
В. В. Болотов

нужно и не полезно. Притом противники могут опровергнуть преувеличения и чрез сие иметь вид победы в споре. Многие доказательства писателя против латинствующих основываются на одном логическом построении понятий, иногда неточном и вообще не довольно твердом в отношении к предмету непостижимому». Перед тем как святитель Фотий написал послание Аквилейскому предстоятелю, ему были предъявлены филиоквистские высказывания Амвросия, Августина, Иеронима и других западных святых отцов. Святитель Фотий, не признавая такие высказывания выражением действительных взглядов этих отцов, считал причиной их некий оппортунизм. Это тоже вызвало критику святителя Филарета: Фотий «входит в неблагоприятные суждения об отцах... предполагая... что обстоятельства заставили их сказать иное пред некоторыми противниками <...>, что иной из них сказал и сделал такое, чего нам не дозволяется делать и говорить. Сии неопределенные выражения бросают на писания и деяния отцов неблагоприятную тень, приписывая им некоторую неискренность и непрямоту, особенно не безвинные, когда дело идет о исповедании

спасительных догматов веры». Вывод святителя Филарета об антилатинских творениях святителя Фотия — негативный: «Удобнее было бы допустить издание рассматриваемого сочинения, если бы дело шло о издании всех сочинений патриарха Фотия на греческом языке для богословов, которых слабые места не соблазнят и которые могут воспользоваться хотя немногим нужным. Но как дело идет о издании одного послания на русском, чтобы предоставить свидетельство православного учения и неученым послушным чадам православной Церкви и противникам, то не могу иметь и изъявить иного мнения, как то, что издание рассматриваемого сочинения на русском не было бы полезно»⁴.

Сама тринитарная формула святителя Фотия «Св. Дух исходит только от одного Отца» иногда вызывала решительное неприятие: она «представляет собой латинское Filioque с минусом: так сказать, не-Filioque, анти-Filioque, тогда как святоотеческое учение не есть ни то, ни другое, но нечто третье...». «Самое главное, что свойственно вообще полемическому, а не положительному богословию как его слабость, есть принятие целиком всей латинской проблематики... <...> Патриарх Фотий является первым из восточных богословов, латинствующих в учении об исхождении Святого Духа»⁵. Подняв знамя этой формулы в 867 году, святитель Фотий закрыл для себя на все двадцать с лишним лет своей дальнейшей деятельности, а для своих последователей — на века возможность обращаться к богатству и многообразию святоотеческой триадологии, несовместимой с его формулой. Оставалось только риторически взывать к «Соборам и отцам». Понадобились жестокие испытания Лионской унии, чтобы византийское богословие, прежде всего в лице православного патриарха Константинопольского Григория II (1283–1289), во многом преодолело ограниченность фотианской формулы и открыло для себя новые пути: патриарх Григорий рассматривается как предшественник святителя Григория Паламы.

Болотов же даже в такой небольшой работе, как «Тезисы...», выявил богатство и разнообразие святоотеческой триадологии начиная с первых веков, показав себя богословом, способным на самый прецизионный анализ вероучительных текстов.

Жизнь Болотова делилась между Петербургом и родной Кравотынью, где его ждала мать. Он отправлял ей посылки, почти каждый месяц писал письма. Летние каникулы он проводил в Кравотыни. Конечно, работа продолжалась и там. Но образ жизни существенно менялся: продолжительные прогулки, купание. Почти на каждую службу мать с сыном шли в сельскую церковь. В храме Василий Васильевич стоял или в алтаре, или на пустом левом клиросе, или в дальнем углу. К концу августа совершалось паломничество в Нилову пустынь, где после Литургии и молебна Болотов долго, иногда до вечера, беседовал с настоятелем архимандритом Алексием. Потом настоятель отправлял дорогого гостя домой в своей карете.

Двадцать седьмого мая 1899 года «маменька» Мария Ивановна умерла. Болотов был подготовлен к этому ее болезнью. Сам Василий Васильевич скончался меньше чем через десять месяцев после нее. В последние годы жизни он страдал почечной и печеночной недостаточностью на фоне хронического малокровия. Перед смертью Василий Васильевич несколько раз причастился Святых Таин. За три часа до смерти он сказал: «Как прекрасны предсмертные минуты!» Последние слова, которые расслышали окружавшие его одр, были: «Иду ко Кресту», «Христос идет!», «Бог идет». Великий труженик почил от трудов своих. Похоронен В. В. Болотов на Никольском кладбище Александро-Невской лавры.

Болотов был счастлив в своих учениках. Об одном из них необходимо сказать особо. Это А. И. Бриллиантов (1867–1933), с 1903 года профессор СПбДА. Сам выдающийся ученый, создатель оригинального типологического сопоставления Востока и Запада⁶, он сразу после смерти учителя занялся изучением его архива и изданием того, что Болотов издать не успел. Настоящим подвигом стало издание самого обширного труда Василия Васильевича, которому суждено было стать и самым читаемым его трудом. Богатые содержанием лекции Бо-

лотова по истории Древней Церкви были великолепны ораторски и прекрасны дидактически. Болотов не читал, как некоторые его коллеги, из года в год одно и то же, он варьировал и обновлял материал. Студенты весьма ценили его лекции, они их стенографировали и издавали литографически для подготовки к экзаменам. Сам Болотов иногда находил время для просмотра и исправления этих «расшифровок»; иногда он писал несколько страничек в дополнение к тому, что читал. Но он никогда не собирался их издавать и не заботился ни о какой их «окончательной отделке». Бриллиантову предлежал колоссальный труд: изучить все варианты (по числу студенческих литографических изданий), создать сводный текст, включив в него и органически прилегающие к нему небольшие письменные творения автора, соблюсти соразмерность составных частей. «Лекции по истории Древней Церкви» вышли в СПб.: т. 1 — в 1907 г., т. 2 — в 1910 г., т. 3 — в 1913 г., т. 4 в Петрограде в 1918 году. В 1994 году в Москве «Лекции...» переизданы репринтом. В 1999 году в Москве начало выходить «Собрание церковно-исторических трудов» В. В. Болотова в 8 томах. В 1-й том вошла магистерская диссертация Болотова «Учение Оригена о Святой Троице» и его 7 студенческих работ. Тома 2–4 (2000, 2001, 2002) — это тома 1–3-й лекций Болотова в новой редакции. Сам Бриллиантов предполагал — после выхода в 1918 году (на грани возможного) 4-го тома «Лекций...» — извлечь из курсов разных лет кое-что из того, что не вошло в четырехтомник, и издать это в дополнение, но церковная наука уже утратила доступ к типографскому станку. В наших новых условиях А. В. Храпов подготовил эти тома к изданию, а профессор А. И. Сидоров († 2020) написал обстоятельное предисловие ко всему изданию и, в дополнение к примечаниям А. И. Бриллиантова к «Лекциям...», добавил еще свои очень ценные примечания. На указанных четырех томах издание остановилось...

¹ Исхождение Святого Духа в православном учении о Троице // Лосский В. Н. Богословие и боговидение. М., 2000. С. 348. = *Lossky Vladimir. A l'image et à la ressemblance de Dieu. P.*, 1967. P. 68.

² Там же. С. 376 = *ibid.* P. 93.

³ Сидоров А. И. Василий Васильевич Болотов — человек и ученый // Болотов В. В. Собрание церковно-исторических трудов. Т. I. М., 1999. С. XL.

⁴ Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. Том дополнительный. СПб., 1887. С. 112–113, 203–206.

⁵ Булгаков Сергей, протоиерей. Утешитель. М., 2003. С. 132, 131.

⁶ См.: Бриллиантов А. И. Влияние восточного богословия на западное в произведениях Иоанна Скота Эригены. СПб., 1898.